

СОДЕРЖАНИЕ

<i>О. Диксон. Собиратель легенд священного острова Хэхэ Нго</i>	4	
<i>М. Синицын. Ненцы острова Вайгач</i>	17	
Эпические сказания о богатырях и шаманах		
Сестра В'эра и Семь Хозяек	39	
Хару-Яха-Тер и Трехглазый Тунгус	69	
Сусуй, старушка-оборотень и шаман Пядыла	94	
Сусуй и шаманка Ярой Сядота	150	
Шаман Мэцэнёда, меняющий лицо	172	
Родовые сказания о героических предках		
Падэт Пыдына – сын, оживленного волками	223	
Нелак Ханый, слышащий во сне	264	
Сирота Евако и Харючи, шаманящий во сне	287	
Ядне и его волшебная шкура	314	
Волшебные сказания о духах		
Прыгающая голова шамана Пяд-Хасаво	335	
Как дикий Вай на охоту за людьми ходил	359	
Дочь Хапча Вэсако из Нижней земли	376	
<i>Приложение 1. Хитрый шаман Игонопёнр. Волшебное сказание от Одак Вэлло из собрания М.С. Синицына</i>		401
<i>Приложение 2. Сказки о людях и животных. Из личной переписки М.С. Синицына и сказительницы Ульяны Ледковой</i>		411
Сюхуней и тунгус-оборотень	411	
Седоряна Не и Небесный Человек	420	
Яв Мал Хэся, оживляющий мертвых	427	
Рука Мороза – Течиди Наны с гремящими кольцами	430	
Воробей-мальчик и Мышка-невеста	437	
Чайка и Ворон	435	
Чайка-сын и Чайка-отец	436	
На кого похожа чайка?	436	
<i>Приложение 3. Рукописный образец сказания Нёлёко Вылко «Ненэчие тэтэ»</i>		437
Словарь	451	
Примечания	457	

Олард Диксон

СОБИРАТЕЛЬ ЛЕГЕНД СВЯЩЕННОГО ОСТРОВА ХЭХЭ НГО

Максим Сергеевич Синицын
(1928–2000)

Максим Сергеевич Синицын родился 3 июля 1928 г. в Москве. В период Великой Отечественной войны, зимой 1943 г. он вместе с родителями был эвакуирован и оказался в полярном городе Салехарде. Через год поступил лаборантом в Карскую научную экспедицию Наркомрыбпрома, которая занималась изучением миграции промысловых рыб Обской, Тазовской и Байдарацкой губы. Вместе с экспедицией он попадает в Тамбей, Воркуту, путешествует по Ямалу от Се-Яхи на восточном побережье до Морды-яхи – на западном, где непосредственно соприкасается с бытом и культурой коренных жителей этих мест – ненцев. Подражая этнографам, Максим Синицын начинает вести полевые дневники, в которые заносит все, что видит и слышит, а так же

Семья ненцев у чума. 1930-е. Фотоархив о. Белый

собирает рисунки ненецких детей, никогда до этого не державших в руках карандаши. Впоследствии это стало большим собранием, состоящим из 80-и уникальных рисунков, иллюстрирующих традиционный уклад жизни, а так же схем кройки одежды, северного орнамента, устройства разного вида нарт и построек. Всецело отдавшись этнографии и не имея под рукой необходимой литературы, Максим от руки переписывает работы Л.Я. Штенберга, относящиеся к методологии изучения быта народов Севера, а так же «Русско-ненецкий словарь» Г.Д. Вербова.

После ликвидации Карской научно-промысловой экспедиции, чтобы снова попасть к ненцам для продолжения этнографической работы, М. Синицын оканчивает Курсы полярных работников при Главном управлении Северного морского пути. В августе 1946 г. в поселке Тотто-Яха на побережье Тазовской губы в возрасте 18 лет Максим записывает от Одак (Марии) Вэлло в переводе ее мужа – председателя колхоза им. Ленина Александра Максимовича Вэлло¹, первый образец устного ненецкого фольклора – волшебную сказку «Ловчак Игонопёр» (в данном собрании – «Хитрый шаман Игонопёр»).

¹ А.М. Вэлло впоследствии стал депутатом Совета Национальностей Верховного Совета СССР от Ямало-Ненецкого национального округа.

Самоеды (ненцы). Фото начала XX в.

Летом 1948 г. Максим Синицын останавливается в Архангельске, а затем попадает на священный остров Хэхэ Нго – Вайгач для работы на метеорологической станции. Именно здесь и происходят основные события, навсегда изменившие всю его последующую жизнь. Особенно важной становится встреча с ненецким охотником и открытым им выдающимся сказителем Нёлёко (Иваном Васильевичем) Вылко.

Родился Нёлёко около 1900 г. в Большеземельской тундре. В детском возрасте батрачил, как и его отец, нанимаясь на работу, то к одному, то к другому богатому оленеводу Ямала и Полярного Урала.

«Но как ни теснила, куда ни бросала И. Вылку судьба, была у него страсть – сильная, большая. Она помогала жить, – напишет впоследствии М.С. Синицын. – Везде И. Вылко жадно слушал песни, сказки, легенды и предания – и в теплом просторном чуме кулака-олeneвода; и в тесном оборванном чуме пастухов, где сквозь дырки в крышке, будто звезды, частыми точками просвечивало небо; и лежа под опрокинутой лодкой у трудолюбивых рыбаков, когда разыгравшийся шторм не позволял им выйти на лов».

После установления на Ямале советской власти Нёлёко Вылко стал жить оседло, заняв заброшенный полярниками полуразвалившийся каменный домик у мыса Костяной на северной оконечности острова Вайгач. Жена Нёлёко рано умерла, оставив ему сына – Николая и двух дочерей – Оксю (Ксению) и Энэську. Вторая жена – Мария имела

двух детей от предыдущего брака – Семена и Прасковью, а от Нёлёко – сына Василия. Сыновья остались в охотничьем хозяйстве колхоза «Арктика», а дочери потом разъехались кто куда. Зимой Нёлёко охотился на песцов и нерпу, а летом – на белуху; днем промышлял, а вечером пел старинные песни ненецких преданий для себя, «чтоб мотив не забыть», и для своей семьи, «чтоб знали о прошлом».

Вот с таким знатоком самобытности и свела судьба Максима Синецины. Видя живой интерес молодого человека к наследию ненецкого фольклора, Нёлёко сближается с ним и 31 октября 1948 г. приглашает в свой дом послушать предание глубокой старины о могучих тадибе-хасаво – братьях-шаманах.

Сказитель Нёлёко Вылко
с женой Марией и дочерью
после охоты на нерпу.
Фото М.С. Синецины. Вайгач. 1949 г.

В доме в тот вечер собралась вся большая семья Нёлёко, было жарко натоплено, можно снять паньцу и согреться после стужи. Нёлёко, задумавшись, сидел на своей кровати, скрестив ноги, остальные расположились вокруг низкого стола, кто на стульях, кто на оленьей шкуре, постеленной прямо на деревянный пол. Максим занял место с краю, приготовив дневник в черном переплете под кожу. К нему подползла младшая дочь сказителя – Энэсько, страдающая открытой формой туберкулеза и вызвалась точить карандаши. Максим поборол в себе естественное чувство опасения заразиться и согласился принять от нее помощь.

Выдержав паузу, Нёлёко открыл глаза, задумчиво посмотрел на притихших детей, как будто что-то прикидывая в уме, и сообщил по-русски, обращаясь к Максиму:

– Эта сказка словами, поймешь...

Низко склонившись над дневником, под тусклый свет керосиновой лампы Максим начал спешно вести запись карандашом:

«Жили-были два брата ненца. Имя их – два Пяд Хасаво. У них оленьей много не было – всего 20 быков и важенок 20...»

Дом сказителя Нёлёко Вылко.
Рисунок его дочери – Энэсько.
1949 г.

Окся во время исполнения
ее отцом сказания.
Фото М.С. Синицына.
Вайгач. 1949 г.

Младший брат-шаман задумал известить старшего брата-шамана за обладание его женами и хитростью сбросил его с сопки в Нижний мир – под землю к семи людоедам. Но недолго младший брат прожил с чужими женами, старший выжил и вернулся, чтобы отомстить. Превратившись в иголку, старший брат подслушивает, как младший рассказывает женам о том, какой смертью он может умереть, и отрезает ему ночью голову раскаленной косой. Отрезать – отрезал, но крови не упало, и младший брат продолжает существование, как живой покойник в виде прыгающей головы. Голова начинает преследовать людей и забирает в мир мертвых жен старшего брата и оленей. Совсем опечалился старший брат, ничего сделать не может: и убить младшего не может, и жить так больше не может. Тогда голова решает ему помочь и насылает на одну девушку из далекого стойбища болезнь, а старшему брату велит ехать свататься за нее. В обмен на выздоровление старший брат просит ее себе в жены.

– Вставай, девушка! Не надо помирать! – крикнул сказитель Нёлёко так, что все вздрогнули, а потом потянулся, изобразил, как та глаза протерла, смотрит на всех, – Чегой-то я спала...

После свадьбы голова велит брату отвести ее на сопку и договаривается с живыми о ежегодном жертвоприношении для себя в виде семи оленей.

– Голова под землю провалилась, сказка кончалась, – подытожил Нёлёко. – Значит, уладилось все. Он свое получил и другой... Он жертву обещал приносить.

«И. Вылко не просто поет, он изображает. Глаза искрятся: они то сердитые, то добрые, то лукавые, то злые, – пишет М.С. Синицын. – Неповторимой мимикой играет лицо; когда надо движутся руки, пальцы, плечи: кажется, каждый мускул участвует в повествовании. И на аккуратно застеленной шкурами лежанке, где обычно сидит И. Вылко, уже нет прежнего колхозника с редкими восточными усиками и подстриженными под горшок черными с проседью волосами. Там, поминутно сменяя друг друга, появляются все новые и новые персонажи. Они ведут бойкий, живой разговор. Слушатели будто околдованы певцом. И пожилые, выдавшие виды люди, и подростки – все реагируют на повествование необычайно живо и экспансивно. Они то смеются, то едва не плачут, то блаженно развалятся на своем месте, то с напряжением смотрят в лицо сказителя или раздосадовано хлопают себя по коленям. Часто слышатся одобрительные или осуждающие возгласы».

Эта лаханаку – «волшебная сказка словами» о борьбе двух братьев-шаманов так подействовала на двадцатилетнего Максима, что он решил записывать за Нёлёко все его сказания. Уже через неделю было перенесено на бумагу родовое предание рода Ядне о волшебной шкуре, делающей ее обладателя невидимым, потом ярабцы – героические песни «О сестре силача Сюдбе Вра», «О младшем хозяине с Ивняковой реки», родовое предание рода Харючи и другие. Всего за два месяца 1948 г. от Нёлёко Вылко удалось записать восемь текстов от 20 до 65 страниц каждый. За весну и лето 1949 г. – еще пять. Так же он работает с младшим братом знаменитого сказителя с Новой Земли Тыко Вылко – морским зверобоем Нямбо (Ионной Константиновичем) Вылко, который по его просьбе записывает на ненецком и русском языках песни и короткие сказки.

Далеко не все понимали страсть метеоролога Максима Синицына к ненецкому фольклору, когда он после основной работы на полярной станции по 16–18 часов без пере-

Собиратель ненецкого фольклора
Максим Синицын.
Вайгач. 1949 г.

Семья Вылко и Максим (выглядывает из-за спины Нёлёко). Вайгач. 1949 г.

рыва записывал сказания. От такой работы отнималась рука, на пальцах образовывались мозоли, а ночью Максим не мог уснуть от возбуждения.

Вот как сам М.С. Сеницын вспоминает то время:

«Товарищи по полярной станции были такие, что смеялись и в глаза называли чудаком; не раз я замечал, как за моей спиной, пальцем показывая на голову, иной сослуживец строил многозначительную гримасу. Было горько до слез, но я упорно продолжал работать с Иваном Васильевичем. И жадно ловя каждое слово сказителя, забывал все несправедливые обиды товарищей, а в дружеских и по-отечески любовных улыбках колхозников, которые иногда приходили посмотреть на нашу работу, черпал силы для продолжения труда».

В 1949 г. М.С. Сеницына переводят с Вайгача на метеорологическую станцию острова Диксон, а потом – на остров Белый, и связь с Нёлёко Вылко прекращается. В ходе сбора этнографических материалов, М.С. Сеницын заразился в доме сказителя туберкулезом: в семье Нёлёко Вылко два его сына болели легочной формой туберкулеза, а дочь вообще могла передвигаться только на коленях из-за свищей от костного туберкулеза. Вначале 1950-х гг. Медицинская комиссия запретила исследователю работать в условиях Крайнего Севера и Арктики. М.С. Сеницын остается в Москве и продолжает жить с фактически одним легким, работая журналистом в ряде СМИ.

Сказитель Нёлёко Вылко на охоте. Фото М.С. Сеницына. Вайгач. 1949 г.

В 1956 г. М.С. Сеницын знакомится по переписке с ненечкой сказительницей Ульяной Васильевной Ледковой, переехавшей к тому времени с острова Колгуев на Вайгач. По ее словам, родилась она – «наверно точно не знаю» – в 1908 или 1909 г. Детство прошло на Новой Земле, а потом она уезжает учиться в Ленинград в Институт народов Севера. В 1937 г. возвращается, не окончив учебу из-за болезни, и избирается «избачом» – заведующим ненечким клубом. Во время Второй мировой войны работает в Нарьян-Маре.

«Как не было трудно во время войны, я свои сказки не забывала, – сообщает она в письме с острова Колгуев М.С. Сеницыну в 1956 г. – Кто-нибудь просит рассказать сказку, и расскажу сказку я. Ис горя – я видела очень много трудностей во время войны – мои сказки не забывала... Я куда ни поеду – уже знают ненцы: пою песни хорошо, сказок знаю много. Заставляют петь, рассказывать сказки».

В ходе переписки, продолжавшейся до 1958 г., Ульяна Ледкова передала три эпических сказания – ярапц, одну сказку – лаханаку и четыре притчи. Собственно, это стало последним приобретением этнографического собрания М.С. Сеницына.

В 1959 г. он становится членом Союза журналистов СССР, а через год в Государственном издательстве географической литературы вы-

Нямбо Вылко с женой.
Фото М.С. Сеницына. Вайгач. 1948 г.

Сказительница Ульяна Ледкова.
1950-е гг. Из архива М.С. Сеницына

ходит его первая и, к сожалению, единственная книга путевых очерков «По ненецкой земле», куда не попадает ни один образец устного народного творчества. Все это время М.С. Сеницын пытается опубликовать хоть что-то из ненецких сказаний, для чего собирает рецензии столпов советской фольклористики и этнографии: В.Я. Проппа, тогда еще профессора Ленинградского государственного университета (позже – член-корреспондент Академии наук СССР); Б.О. Долгих, заведующего Сектором народов Севера Института этнографии Академии наук СССР; С.И. Минц заведующей Отделом фольклора Государственного литературного музея Министерства культуры и др.

В отзыве о собрании текстов М.С. Сеницына, Б.О. Долгих пишет: «представлены различные жанры ненецкого фольклора» и «записей с о. Вайгач до сих пор вообще не публиковалось». Особо отмечается, что все тексты «записаны с добросовестной тщательностью и точностью» (Минц), а организованная в то время фольклорная экспедиция Географического общества в Большеземельскую тундру «привезла... материал... не такой детализации и не такой плодотворный» (Пропп). «Важно, – пишет В.Я. Пропп, – что материалы совершенно подлинные, нисколько не обработанные и неприукрашенные». Хотя записи

Морзвербои перед промыслом. 1930-е. Фотоархив о. Белый

сделаны по-русски, «перевод почти дословен» (Минц), «очень тщательная запись дает почти полное представление о звучании текстов в оригинале на ненецком языке» (Долгих). Б.О. Долгих: «Записи «ценны не только художественными достоинствами... они отражают идеологию народа», содержат «большое количество ценных этнографических деталей», дают «представление о древнем быте ненцев, об их соседях». «Кроме ненцев, упоминаются тунгусы (эвенки), манду (тундровые энцы), ванн (лесные энцы), нганасаны (тавы). Названы многие роды лесных и особенно – тундровых ненцев» (Долгих).

Общая оценка собрания родовых, шаманских и героических преданий ненцев о. Вайгач следующая: это собрание «исключительных по своей ценности материалов» (Пропп); они «представляют, несомненно, большую научную и художественную ценность» (Минц); «огромная научная ценность материалов несомненна» (Пропп).

Его большое научное значение выражено словами выдающихся этнографов: «...богатый материал как для исследования устно-поэтического народного творчества ненцев, так и для историка и этнографа» (Минц); «новый источник по этнографии и истории ненцев» (Долгих); собрание – «ценный вклад в советскую фольклористику, осо-

В «Красном чуме». Впервые перед фотокамерой. 1930-е. Фотоархив о. Белый бенно в ту ее часть, которая занимается фольклором народов Севера» (Долгих).

Тем не менее, публикация таких материалов без тотальной цензуры и обильных сокращений в советский период была совершенно невозможна из-за описания непримиримых войн между ненцами и их соседями (тунгусами, энцами, нганасанами) – их сейчас не убить, тогда они придут и всех убьют; обилия сцен кровной мести – если детей оставить, то они потом вырастут; детальных подробностей человеческих жертвоприношений и пыток; общей картины панического страха, приобретающего подчас формы маниакально-депрессивного психоза – «человеческую кровь надо – без нее жить не могу» («Как дикий Вай на охоту за людьми ходил») и извращенного садизма – «у старика уши отрезал, потом нос, потом у локтя главную кость, потом у колен ту же кость, потом пятку, потом пальцы ноги, потом у пальцев рук два первых сустава» («Сестра Вэра и Семь Хозяек»).

«В тундре процветали тогда грабежи и убийства: богатые кулаки, объединив вокруг себя работников и родственников, напали на соседние стойбища, – пишет М.С. Синицын в очерке «Ненцы острова Вайгач». – И во многих преданиях фигурируют богатыри-освободите-

ли, которые мстят и восстанавливают справедливость. Через образы этих богатырей народ выражал страстную мечту о лучшем будущем. Поэтому, несмотря на кажущуюся свирепость ненецкого эпоса, в котором много крови и убийств, сущность его глубоко гуманна».

Несколько разочаровавшись отсутствием перспектив на издание, вначале 1960-х гг. М.С. Сеницын увлекается новой темой – историей Русской Православной Церкви в советский период, в частности – реставрацией древних памятников архитектуры. Об этом он пишет статьи, а в 1965 г. тайно принимает крещение в Троице-Сергиевой Лавре от архимандрита Иова. Все последующие годы он живет в Москве, занимается журналистикой и все меньше этнографией, хотя иногда выступает с рассказами о ненецких сказителях.

В последние годы жизни, страдая от перенесенного туберкулеза, двух инфарктов и диабета, который сильно ухудшил и так плохое зрение, М.С. Сеницын неоднократно высказывает опасения по поводу сохранности собранных им на Севере материалов, ввиду неблагоприятных семейных отношений и общего окружающего хаоса, возникшего после распада СССР. В марте 2000 года, в возрасте 72-х лет, уже будучи совсем больным, он пытается найти приемников знаменитого финского филолога и специалиста по финно-угорскому и самодийскому языку Маттиаса Александра Кастрена и направляет письмо в Финляндию князю Дмитрию Шаховскому, в котором выражает желание продать архив за границу, чтобы тем самым выручить деньги на лечение:

«Вышло так, что мои наследники далеки от проблем, которыми я занимался. Жить тут, таким как я очень трудно... Особенно горько за записанные ненецкие предания. Уникальная коллекция. Восторженные отзывы известных специалистов. Уникальные «первобытные» рисунки ненцев, никогда не державших карандаша... Скоро я отправлюсь в мир иной. И меня очень беспокоит судьба собранных материалов: они обречены на гибель. Ибо в моей стране сейчас не до них – в еще большей степени, чем при коммунистическом режиме. Из-за разработки нефти, газа, других полезных ископаемых – коренное население ассимилируется с огромной скоростью. И может быть сейчас в тундре трудно найти человека, хорошо знающего родной ненецкий язык. А многие предания, плакальные песни давно забыты... Так что мой архив представляет особую ценность. Буду счастлив – и смогу спокойно покинуть землю, если не погибнет главное дело жизни. Цена архива – мое здоровье».

Так и не дождавшись ответа, Максим Сергеевич Сеницын умирает 26 апреля 2000 г., передав дела по сохранению этнографического архива своему племяннику – И.С. Ломову. Архив – это 15 папок с ненецкими сказаниями, 10 полевых дневников, обувная коробка с несколькими сотнями негативов и отпечатанными фотографиями, отдельная папка с «первобытными» рисунками и сделанными от руки картами острова Вайгач, а так же более 20 папок с неразобранными записями и письмами. Ввиду невозможности принять этот дар по разным причинам, И.С. Ломов передает архив мне, как человеку, знавшему Максима Сергеевича при жизни, помогавшему ему и глубоко заинтересованному в продвижении его наследия.

Первое за несколько последних десятилетий движение материалов было сделано при участии журнала «Мир Севера», опубликовавшем некоторые тексты о ненцах острова Вайгач и эссе о легендарном ненецком бунтаре Вауле Пиеттомине. В 2010 г. в рамках Международного этнографического фестиваля «Конь-Самолет», проходившем в Москве, была организована тематическая выставка «Первобытные» рисунки ненцев: впервые с карандашом», куда вошли рисунки, собранные М.С. Сеницыным в 1944–1948 гг. Потом началась многолетняя работа по подготовке к изданию полного собрания текстов эпических, родовых и шаманских сказаний Нёлёко Вылко – «Духи тундры». Важнейшей частью стало максимально точное сохранение языка оригинала, в том числе использованной сказителем ненормативной лексики, для чего вся редактура помещена в квадратные скобки, что позволит изучать этот памятник ненецкой литературы в дальнейшем. Сказания иллюстрированы теми самыми карандашными «первобытными» рисунками. Их авторы – молодые ненцы Тазовской губы, Обской губы и острова Вайгач: Саша Вэнго, Мальке Вануйто, Пойорто Вануйто, Пейду Салиндер, Семен Тайбарей, Муймдаме Лептандер, Вера Окотетто, Майма Худи. В качестве приложения приведены записи и других сказителей – Одак Вэлло и Ульяны Ледковой, а так же образец рукописи сказания Нёлёко Вылко «Ненэчие тэтэ» на ненецком языке, выполненный Нямбо (Ионой Константиновичем) Вылко. В оформлении разделов показаны виды ненецких саней для запряжки оленей или собак, взятых из архивного альбома М.С. Сеницына «Нарты». Перед сказаниями помещен традиционный орнамент – мадава, а после – рисунки женских сумок и табакерок, сделанные Ниной Ядне. В конце книги имеется словарь ненецких, специальных и устаревших слов, а так же сведения о времени, месте сбора и обстоятельствах записи с примечаниями.

2015 г.